

Лекция IX. Европейский колониализм на Востоке

План:

- 1) *Причины и условия европейского колониализма*
- 2) *Истоки колониализма*
- 3) *Генезис европейского капитализма и колониализм*
- 4) *Начало колониального освоения Востока*

1) Причины и условия европейского колониализма. Период колониализма – третий этап истории Востока. Как и оба предыдущих, древность и средневековье, он не был связан с кардинальной ломкой существующей структуры, за исключением, пожалуй, Японии. Но все же этот новый этап – в отличие от средневековья, близость которого к восточной древности вполне очевидна и прослеживается по многим параметрам, – принес Востоку нечто существенно новое, что и побуждает говорить о нем как об отдельном и важном для понимания судеб Востока в целом периоде его истории.

Здесь снова необходимо вернуться к проблеме периодизации истории, как всеобщей, так и восточной. Хорошо известно, что в марксистской историографии особо выделялся период новой истории, формационно соответствующий капитализму и завершающийся в этом его качестве 1917 годом. Существовали, правда, разногласия по поводу того, каким временем следует датировать начало новой истории: то ли французской революцией, то ли английской или даже нидерландской. В любом случае, однако, начало новой истории видели в одной из таких буржуазных революций. Разумеется, и для истории Европы и даже для всей мировой истории (в которой Европа последние века безусловно лидирует и задает тон) вычленение этапа господства капитализма важно и имеет немалый смысл. Но как при этом быть с Востоком?

Нет слов, всемирная история должна быть всемирной и иметь нечто общее хотя бы при ее периодизации. И когда речь шла о хронологической грани между древностью и средневековьем в начале второй части данной работы, это обстоятельство принималось во внимание, тем более что тогда речь шла об условной грани. Но теперь ситуация несколько иная. Перед нами уже не условный, а действительно новый этап в истории Востока, связанный с проникновением туда колониального капитала вначале преимущественно в торговой, а затем и в промышленной его форме. Совершенно очевидно, что хронологически этот этап, важный для Востока в целом, включая Африку и Латинскую Америку, не вполне совпадает с хронологическими рамками европейской новой истории. Как же быть?

Легче всего закрыть на это глаза, что обычно и делается в учебных пособиях, а также в специальных работах и энциклопедиях. Раз наступил период новой истории и раз этот период в некотором смысле всеобщий, всемирный, так что же мудрствовать? И история всех стран автоматически делится в соответствии с рамками европейской истории, вне зависимости от того, насколько это соответствует реалиям и динамике исторических событий в той или иной стране и тем более на Востоке в целом. Между тем периодизация как метод интерпретации и даже просто понимания исторических событий тем и ценен, для того и нужен, чтобы увидеть и вычленить определенные закономерности процесса развития. Если же вместо анализа этого процесса идти по пути автоматического пристегивания его к общему ходу событий, то это ничем не отличается от того, чтобы для упрощения понимания считать все древние общества рабовладельческими, а все средневековые – феодальными. Просто и понятно каждому. Но не хватит ли такой простоты?

Вот почему, оставляя в стороне вопросы о периоде новой истории в Европе, о хронологических рамках этого периода и его важности для понимания всемирной истории, стоит поставить перед собой иные: каким временем можно очертить столь важный для истории Востока период господства колониализма, где начало этого периода, чем и почему следует обозначить его конец?

Как уже было показано, начало колониальной торговой экспансии было положено в XVI в. В Индии и особенно Индонезии, а также в Африке колониальная экспансия португальцев, испанцев, затем голландцев, англичан и французов ширилась с каждым веком. Понемногу она

захватывала и другие районы Востока. Логически рассуждая, именно XVI век по справедливости можно было бы считать началом этапа колониализма. И в какой-то степени это именно так и было. Дело в том, что, хотя колониализм так и не сумел привести к кардинальной ломке структуры стран традиционного Востока и тем более содействовать становлению там капитализма (о Японии разговор особый), он, однако, как уже было упомянуто, принес Востоку нечто сущностно новое. Вопрос только в том, как понимать это новое. Что это такое? И с какого именно момента этого сущностно нового было достаточно, чтобы вести речь о новом этапе истории Востока?

На этапе торговой экспансии, сопровождавшейся грубыми вторжениями, территориальной аннексией выгодных форпостов, подчинением и даже определенной деформацией хозяйства в некоторых странах (Индия, Индонезия), а также массовым порабощением людей (Африка, частично Индонезия), активному воздействию колониализма подверглись лишь некоторые страны Востока. Кроме того, к кардинальным изменениям и существенной деформации экономики традиционных восточных обществ этап колониальной торговой экспансии не вел. Целью колонизаторов были вначале лишь восточные редкости, прежде всего пряности, а затем рабы. И хотя платили они за это мало, но все-таки платили. Серебро текло с запада на восток, а не в обратном направлении. То есть перед нами торговля. Пусть неравноправная, подчас неэквивалентная, даже из-под палки, сопровождавшаяся принуждением и насилиями, порабощением людей и т. п., но все же именно торговля.

К торговому обмену Восток привык. Более того, не были для него необычными ни несправедливости, ни насилия, ни даже зверства, ни массовое порабощение людей либо вторжения злобных иностранцев. Достаточно напомнить о монгольском нашествии, о походах Тимура. Правда, торговый колониализм принес с собой и нечто новое, к чему на Востоке еще далеко не везде привыкли: он принуждал людей к каждодневному тяжелому регулярному труду, сопровождая это принуждение силой оружия и превращая таким образом труд в каторгу, которую долго могли выдерживать лишь немногие (собственно, именно это и вызывало потребность во все новых и новых отрядах обреченных на быструю гибель рабов). Но этого нового было в те времена, о которых идет речь (XVI–XVIII вв.), еще все же недостаточно для того, чтобы говорить о сущностно новом, хотя принуждение к труду и было его важным элементом.

Иное дело – XIX век, век колониальной экспансии промышленного капитализма. Картина совершенно иная. Поток фабричных товаров из метрополий стал быстро превращать колонии и зависимые страны Востока в ценные для европейского капитализма рынки сбыта и не менее ценные источники сырья. Рыночные связи теперь устанавливались гораздо более прочно, а по их каналам средства (включая и серебро) текли теперь чаще в обратном направлении. Этому сопутствовали разорение традиционного восточного ремесла, упадок торговли, а также крушение привычных норм бытия и сопровождавшие его политические кризисы, ослабление государственной власти и многое другое, с этим связанное. Вот это и есть то сущностно новое, что вносило немало изменений в привычные нормы и условия жизни стран и народов Востока. Вот почему целесообразно хронологически начинать период колониализма на Востоке именно с XIX в. Где раньше, где позже, но в целом примерно с XIX в., может быть, даже с середины его.

Естественно и логично, что конец периода колониализма следует видеть именно там, где он вполне отчетливо прослеживается, т. е. в середине XX в., после второй мировой войны. Для Востока в целом, включая и Африку, концом периода колониализма и потому важнейшим для его истории хронологическим рубежом является именно то время, когда он высвободился от колониальной зависимости, когда страны Востока стали независимыми. Поэтому неудивительно, что в качестве рамок, которыми следует ограничить новый этап истории Востока в целом, этап колониализма, берутся именно предлагаемые здесь, т. е. середина XIX – середина XX в. Совершенно очевидно, что при всей включенности Востока в мировую историю, особенно в эти XIX–XX вв., предлагаемые рамки более адекватно отвечают реальному историческому процессу, нежели те, которые исторически мало с ним связаны, хотя и имеют всемирно-историческое значение.

2) Истоки колониализма. Итак, речь пойдет о Востоке в период колониализма. Вроде бы все хорошо знают и понимают, что такое колониализм для Востока. Но обычно редко ставят вопрос о происхождении феномена колониализма как такового и об истоках колониальной экспансии на Востоке. Между тем вопрос стоит того, чтобы уделить ему внимание.

Понятие «колония» (лат. «поселение») возникло в античной древности и использовалось для обозначения поселений, расположенных в стороне от первоначального центра, а то и достаточно далеко от него. В принципе такого рода расселение было хорошо известно земледельцам со времен неолита; более того, именно так и распространялись по ойкумене достижения неолитической революции. Но когда мы говорим о колониях в более узком и специальном смысле этого слова, то речь идет не просто о расселении переселенцев. Остается в стороне даже так называемая внутренняя колонизация, т. е. постепенное освоение пустующих земель в рамках данного региона, будь то средневековая Европа, Россия или Африка. Для нас важно обратить преимущественное внимание на такие поселения, которые были вызваны к жизни потребностями торгово-экономического развития и имели своим результатом создание на чужой территории автономных анклавов, в рамках которых поселенцы-колонисты воссоздавали свойственную им структуру, родственную той, что была в далекой метрополии. Но и это последнее следует считать типичным, потому и необходимо внести уточняющую поправку: колониальная структура обычно отлична от той, которая господствует среди аборигенного населения, причем эту разницу колонисты ревностно блюдут, равно как и традиционные связи с метрополией. Иными словами, речь идет о таких колониях, которые можно считать некими форпостами метрополии на чужой земле, форпостами, с выгодой используемыми с целью наживы, для и во имя процветания населения метрополии (включая и колонистов).

Исторически первыми, с широким размахом реализовавшими практику колонизации, были финикийцы – для них торговля и мореплавание были едва ли не основным занятием. О финикийском феномене специально шла речь в первой части работы, причем особо отмечалось, что финикийцы в некотором смысле – предтеча, предшественники античных греков. Позже эстафету колонизации финикийцы передали грекам, а те – римлянам. В какой-то степени процессом такого же рода можно считать и эллинизацию Ближнего Востока после походов Александра, хотя характер колонизации в это время был все-таки несколько иным. В средние века колониальные анклавы создавали такие торговые республики, как Венеция или Генуя, а также торговые союзы типа Ганзы. Но существовали ли колонии у стран и народов Востока? И более того, могли ли в принципе создаваться колонии государствами Востока?

Категорически отрицательного ответа дать на эти вопросы нельзя. В принципе восточные купцы вполне могли создавать и создавали на чужих территориях свои анклавы – достаточно напомнить о китайцах в Юго-Восточной Азии и об арабах на восточноафриканском побережье. Но были ли это колонии в полном смысле слова? О китайцах известно немало, об африканских арабах – меньше. Но и в том, и другом случае перед нами все же не замкнутые колониальные анклавы. Что касается китайцев, то они поддерживали связи с Китаем, быть может, во много раз более тесные, нежели, скажем, жители финикийского Карфагена или греческой Ольвии со своими метрополиями. Но при всем том у китайцев вне Китая нигде и никогда не было административно замкнутых поселений типа анклавов – они всегда достаточно гармонично вписывались в местную структуру и лишь веками хранили в ее административных рамках общинные, клановые и иные корпоративные связи.

Что касается арабов в Африке – и не только на побережье, но и в городах Судана, – то, несмотря на явно выраженную именно арабомусульманскую структуру, которую они приносили с собой и по образу которой создавались в Африке первые города, эти города не были арабскими анклавами в полном смысле этого слова. В Судане они становились частью африканских государственных образований, на восточноафриканском побережье они быстро подвергались воздействию со стороны местного населения и в расовом, этническом, даже языковом плане становились образованиями нового типа, не слишком связанными с метрополией. Словом, и в случае с китайскими купцами, и с африканскими арабами не было

стоящей за их спинами метрополии как мощной политической силы, на которую колонисты всегда могли бы опереться. Напротив, выселившиеся на чужие земли китайцы и арабы (как и представители иных восточных государств) оказывались как бы отрезанным ломтем. Государства не только не были заинтересованы в официальной их поддержке, но даже вообще как бы игнорировали их. Для этого были свои весомые причины. Выше уже не раз шла речь о традиционном восточном государстве и восточном социуме. Для восточного государства интересы торговцев, связанных с частнособственнической предпринимательской деятельностью и ориентированных на рынок, всегда были чужды. Взять с купцов пошлины, получить от них взятки – это другое дело. Но заботиться об их процветании вне пределов государства – это уж увольте! Другое дело, когда самому государству выгодно расширить свое влияние на той или иной чужой территории, как то было, скажем, с маскатским Оманом на восточноафриканском побережье (Занзибарский султанат). Но это уже была не колонизация, а в зависимости от обстоятельств завоевание, присоединение, политическое господство. Это же относится и к акциям Альморавидов в Судане, да и ко всем иным политическим событиям, сопровождавшимся вторжением той или иной восточной державы в чужие земли.

Итак, колонизацией в интересующем нас смысле следует считать создание на чужой территории замкнутых административно-автономных анклавов, копировавших метрополию, тесно связанных с ней и опиравшихся на ее действенную и заинтересованную поддержку. Совершенно очевидно, что такого рода анклавы могли создаваться и реально создавались лишь там, где частнособственническая предпринимательская деятельность официально считалась ведущей и активно поощрялась заинтересованным в ее процветании государством. Вот почему колонии торгово-экономического характера создавались (если говорить о колониях в полном смысле слова и принять во внимание все вышесказанное) почти исключительно европейцами – как в античной древности, так и в средние века. Именно такого типа колонии и были тем истоком, на основе которого в XV–XVI вв. сложился колониализм как явление уже несколько иного порядка, отличавшееся иными формами и, главное, иными масштабами. Связь этого колониализма с нарождавшимся европейским капитализмом вполне очевидна.

3) Генезис европейского капитализма и колониализм. Как уже упоминалось, позднесредневековая Европа после Возрождения структурно была в немалой степени близка к античности, причем развивалась в том же направлении (Ориентация на поддержку частнособственнической инициативы) и все более ускоренными темпами. Европа постепенно дефеодализировалась: порожденные феодализмом институты и нормы уходили в прошлое вместе с присущими им мишурой и блеском феодальных властителей, пышностью католического богослужения. На смену всему этому шла все возрастающая когорта представителей так называемого третьего сословия, прежде всего горожан-бюргеров, чья деятельность была ориентирована на рынок и чьи представления о мире опирались на пуританскую строгость протестантизма. И хотя это движение было в XV–XVI вв. еще весьма слабым и малозаметным, сам факт дефеодализации и выхода на передний план абсолютизма был внешним проявлением именно такого рода процесса. Позднесредневековая Европа медленно, но все ускоряющимися темпами становилась предкапиталистической. Что же было в основе упомянутого процесса и какие факторы ему способствовали?

Процесс генезиса капитализма – явление сложное и многоплановое, и в данной работе анализировать его нет возможности. Можно лишь напомнить, что одним из первоусловий процесса генезиса было то, что Маркс назвал в свое время первоначальным накоплением. Другим и, быть может, даже более важным был изученный М. Вебером пуританский дух протестантской этики, который позволил такие накопления создать. Наряду с этим едва ли не важнейшим фактором успешного хода всего процесса, и в частности первоначального накопления, было то, что имеет самое непосредственное отношение к нашей теме – Великие географические открытия и последовавшая за ними новая, невиданная прежде в истории по масштабам и последствиям волна колонизации неевропейских земель.

Итак, снова колонизация. Как и прежде, в древности и средневековье, она была основана на принципиальных структурных различиях в образе жизни тех, кто колонизовал, и тех, кто был

объектом колонизации. Но ровно настолько, насколько пред – и раннекапиталистическая Европа по своей мощи, возможностям и потенциалам превосходила античную (и тем более торговые союзы и республики раннего средневековья), настолько же и новая волна колонизации оказалась мощнее всех прежних. Началось все, как только что упоминалось, с Великих географических открытий, с революции в мореплавании, которая позволила успешно преодолевать океаны.

Транзитная торговля со странами Востока издавна создавала у европейцев заметно преувеличенное представление о сказочных богатствах восточных стран, особенно Индии, откуда шли пряности и раритеты. Транзитная торговля, как известно, стоит дорого, а полунищей Европе платить было практически почти нечем. Это было одним из немаловажных стимулов, подстегивавших европейцев найти новые пути в Индию – пути морские, наиболее простые и дешевые. Поиски новых морских путей сами по себе еще не были проявлением именно капиталистической экспансии. Более того, одним из парадоксов эпохи было то, что страны, ранее и едва ли не более других преуспевшие в сфере колониальных захватов и географических открытий (Португалия и Испания), не только еще не стояли на пороге капитализма, но, напротив, являли собой достаточно крепкие феодальные монархии. Как известно, накопленное и награбленное португальцами и испанцами богатство не пошло им впрок и не было ими использовано в качестве первоначальной основы для быстрого развития капитализма. Здесь есть свои причины, и теория Вебера об этике протестантизма (противопоставленной католической) кое-что в этом смысле объясняет. Однако свое дело – Великие географические открытия с освоением морских путей в новые страны и континенты – испанцы и особенно португальцы сделали, не говоря уже о том, что они сыграли немалую роль и в подготовке, даже активной реализации новой волны колониализма в небывалых прежде масштабах.

После XVI в. на передний план в уже активно развивавшейся колонизации (имеется в виду не только колониальная торговля, но и освоение чужих земель переселенцами), как и в капиталистическом развитии, вышли другие страны: вначале Голландия, затем Англия и Франция. Именно они наиболее удачно использовали полученные от колониальной активности средства в качестве того самого первоначального базового капитала, который в конечном счете способствовал ускорению и даже радикализации их капиталистического развития. Таким образом, парадокс истории, позволивший сделать первый шаг на пути к новому не тем странам, которые были ближе к этому новому, а другим, оказался исправленным той же историей, пусть век-другой спустя (для истории, тем более того времени, это весьма небольшой срок). Однако история остается историей и, естественно, должна восприниматься во всей ее сложной и противоречивой реальности. А сложность и противоречивость эта не только в том, что несомненная связь раннего капитализма и колониализма отнюдь не прямолинейна, но также и в том, что весьма неоднозначен сам привычный для нашего уха феномен колониализма как такового.

Выше не случайно был поставлен вопрос об истоках колониализма и о колонизации в древности, в средние века. Дело в том, что колониализм как феномен обычно воспринимается резко негативно. Между тем именно за счет колонизации ближних окраин, а иногда и дальних заморских территорий шел процесс развития, взаимовлияния культур и т. п., что вносило немалый вклад в развитие человечества. Поэтому необходимо четко определить, что следует понимать под термином «колониализм» и в каком смысле мы будем оперировать этим словом далее.

Колониализм в широком смысле слова – это то важное явление всемирно-исторического значения, о котором только что было упомянуто. Это хозяйственное освоение пустующих либо слабозаселенных земель, оседание на заморских территориях мигрантов, которые приносили с собой привычную для них организацию общества, труда и быта и вступали в весьма непростые взаимоотношения с аборигенным населением, находившимся, как правило, на более низкой ступени развития. Каждая конкретная ситуация, складывающаяся из множества порой едва уловимых компонентов, дает свой результат и создает в том или ином случае уникальное стечение условий и обстоятельств, от которого зависит многое, в том числе дальнейшая судьба

колонии и ее населения. Но при всей уникальности конкретных обстоятельств есть и некоторые общие закономерности, которые позволяют свести феномен колониализма к нескольким основным вариантам.

Один из них – постепенное освоение отдаленных чужих, но пустующих либо слабозаселенных земель поселенцами-колонистами, являющими собой более или менее компактную общность и составляющими на освоенной ими новой территории подавляющее большинство населения. Аборигены при этом обычно оттесняются на окраинные и худшие земли, где они постепенно вымирают либо истребляются в стычках с колонистами. Так были освоены и заселены Северная Америка, Австралия, Новая Зеландия. С некоторыми оговорками это можно отнести и к южноафриканским республикам буров. На этих землях со временем возникли, как известно, государственные образования по европейской модели – той самой, что была перенесена в качестве само собой разумеющегося социального генотипа мигрантами, составившими, если не иметь в виду Южную Африку, основу населения (10% примеси негров, потомков привезенных в Северную Америку африканских рабов, в данном случае существенного влияния на процесс в целом не оказали).

Другой вариант – миграция новопоселенцев в районы с значительным местным населением, опирающимся к тому же на весомые собственные традиции цивилизации и государственности. Этот вариант гораздо более сложен и в свою очередь может быть подразделен на различные подварианты. Но, не усложняя-типологии, обратим внимание лишь на одну важную деталь – на прочность развитой цивилизационной традиции. В Центральной и Южной Америке такая традиция была, причем многовековая, но она оказалась непрочной и локально ограниченной, что в немалой степени объясняет ту легкость, с которой ее слабые ростки были уничтожены колонизаторами. Если принять к тому же во внимание, что этими колонизаторами были не англичане с их сильными капиталистическими тенденциями и мощным духом пуританского протестантизма, а португальцы и испанцы с преобладавшими среди них феодальными формами отношений и католицизмом, то легко понять, почему латинизация Южной и Центральной Америки привела к иным результатам, нежели колонизация Северной. Другой состав населения (индейцы, огромное количество африканских негров, не слишком большое число переселенцев из Европы и, как результат, преобладание мулатов и метисов), иные традиции, более низкий уровень исходной точки развития и явное преобладание традиционнеевропейского пути развития – как за счет привычного социального генотипа индейцев и негров, так и в немалой степени за счет весомых элементов такого же типа отношений в феодальных традициях переселенцев – привели в конечном счете к тому, что сложившиеся в Латинской Америке формы социальных отношений оказались гибридными. При этом из европейской модели были заимствованы не столько антично-капиталистические частнособственнические тенденции, ориентированные на рыночные связи и стимулирующие инициативу, энергию индивида, защищающие его права (как то было в Северной Америке, а затем в Австралии, Новой Зеландии, у буров), хотя при этом и лишаящие таких прав негров и аборигенов, сколько религиозные и феодальные. Гибрид же европейского феодализма и католицизма с индейскими традиционными формами существования не способствовал энергичным темпам развития, выработке необходимых трудовых навыков и т. п. Иными словами, второй вариант колонизации не вел к быстрому развитию колонии, но все же содержал потенции для некоторого развития, хотя бы за счет наличия пусть небольшой, но все же существовавшей и игравшей свою роль доли европейской частнопредпринимательской традиции, восходившей к антично-капиталистическому типу развития.

Вариант третий – колонизация районов с неблагоприятными для европейцев условиями обитания. В этих нередких случаях местное население, независимо от его численности, было преобладающим. Европейцы оказывались лишь малочисленным вкраплением в него, как то имело место повсюду в Африке, в Индонезии, Океании и кое-где на Азиатском континенте (хотя о развитии Востоке речь впереди). Слабость, а то и почти полное отсутствие политической администрации и государственности здесь помогали колонизаторам легко и с минимальными потерями не только укрепиться на чужих землях в форме системы форпостов, портов, торговых

колоний и кварталов, но и взять в свои руки всю местную торговлю, а то и практически все хозяйство прилегающих районов и навязать местным жителям, порой целым странам свою волю, свой принцип свободных рыночных связей, в которых решающую роль играл материальный интерес. Со временем, но не слишком быстро, эта форма колониализма могла перерасти и в иную, обрести вид политического господства.

И наконец, вариант четвертый, для Востока наиболее типичный. Это те многочисленные случаи, когда колонизаторы попадали в страны с развитой многовековой культурой и богатой традицией государственности. Здесь большую роль играли различные обстоятельства: и представления европейцев о богатстве той или иной страны Востока, например Индии, и реальная сила колонируемой страны, т. е. крепость ее государственной власти, и традиционные формы той или иной восточной цивилизации с их нормами и принципами, и многое другое, в том числе случай, всегда игравший важную роль в истории. Конкретно обо всем этом будет идти речь впереди. Пока же стоит заметить, что англичане сумели укрепиться и овладеть Индией в немалой степени потому, что этому способствовала исторически сложившаяся социально-политическая система этой страны с ее слабой политической властью. Но, пока те или иные страны Востока, о которых идет речь, еще не стали политически подчиненными метрополии (что следует датировать лишь XIX веком), характерным для четвертого варианта колонизации следует считать то, что колонизаторы в таких странах были меньшинством, которое действовало в условиях достаточно развитого колонируемого общества, управляемого местными правителями и живущего по собственным порядкам.

В рамках четвертого варианта колонизаторы не могли ни создать структуру по европейской модели (как в первом), ни создать гибридную структуру (как во втором), ни просто придавить своей мощью и направить целиком по желаемому пути жизнь отсталого местного населения, как то было в Африке, на островах пряностей и т. п. (вариант третий). Здесь можно было лишь активно развивать торговлю и за счет рыночного обмена получать выгоду. Но при этом – что весьма существенно – европейцы, за редкими исключениями, должны были платить наличными, золотом и серебром. Хотя в качестве платы принималось также европейское оружие и кое-что еще, восточный рынок тем не менее не нуждался в тех товарах, которые европейцы до XIX в. могли ему предложить. Нужна была наличность. И вот здесь-то самое время ограничить изложение проблемы колонизации и колониализма в широком смысле слова (как великого всемирного феномена, связанного с процессом генезиса капитализма, бывшего в некотором смысле территориальной базой его вскармливания и возмужания) и обратиться к колониализму в узком, так сказать, в собственном смысле этого слова – в том самом, к какому он звучит сегодня повсеместно и имеет почти однозначную негативную оценку.

4) Начало колониального освоения Востока. Конкретно речь теперь пойдет о том, что же такое колониализм с точки зрения народов, подвергшихся колонизации. Это, разумеется, касается и тех аборигенов, которые были объектом отеснения с их земель, уничтожения и подчинения колонистами в случаях, имевших отношение к первому и второму вариантам колонизации (Америка, Австралия, Новая Зеландия и др.). Но преимущественно это касается третьего и особенно четвертого вариантов колонизации, т. е. тех случаев, когда речь идет не о массовых переселениях и об освоении слабозаселенных земель новой общностью, а о бесцеремонном вторжении своекорыстного и опирающегося на силу меньшинства с целью извлечь выгоду из рыночного обмена и заставить работать на себя местное население, не говоря уже о таких бесчеловечных явлениях, как работорговля. Снова оговоримся, что и транзитная торговля с погоней за выгодой, и эксплуатация местного населения, и работорговля не были придуманы колонизаторами-европейцами. Все это существовало и ранее, до них и независимо от них. Порой торговали и самими попавшими в плен европейцами, становившимися рабами турок или арабов, монголов или персов. Поэтому имеется в виду лишь характеристика феномена, связанного с выходом на авансцену раннекапиталистической Европы, представители которой в странах, послуживших объектами колониальной экспансии, действовали, по существу, традиционными методами, но зато с энергией и целеустремленностью, присущими новому, поднимающемуся капиталистическому строю. Именно это и стало колониализмом в

привычном ныне значении слова, во всяком случае на начальном этапе.

Начальный этап, как упоминалось, был связан с деятельностью прежде всего португальцев (испанцев на Востоке, за исключением Филиппин, практически не было; Филиппины же развивались во многом по латиноамериканской модели, о чем уже говорилось), и в количественном отношении эта деятельность была связана едва ли не прежде всего с африканской работоторговлей, хотя португальцы одновременно активно интересовались пряностями и раритетами и именно им принадлежали первые европейские торговые фактории в Индии, Индонезии, на Цейлоне, китайском побережье и т. п. Португальский колониализм в Африке и Азии (в отличие от Америки) был по характеру торговым (третий и четвертый варианты колонизации), что, собственно, в немалой мере и определило со временем афроазиатские варианты европейской колонизации до XIX в. Но торговля с Востоком, даже с Африкой (где в качестве эквивалента обмена нередко шли в дело стеклянные бусы, дешевые лоскуты, не говоря уже о спиртном), требовала средств. Пряности стоили дорого, доставка их – еще дороже. Даже ружья, которые шли в обмен за товары вместо серебра, тоже стоили денег, того же серебра. Где было взять драгоценный металл?

Вопрос этот не стоило бы и поднимать – ответ на него общеизвестен. Собственно, именно золото и серебро вызвали такую алчность испано-португальских конкистадоров в Америке, которая послужила толчком к полному разрушению древних центров богатой, но структурно слабой цивилизации и государственности. Потоки золота и серебра со времен Колумба хлынули в Европу – и в немалой степени за этот счет, учитывая и снижение цены драгоценного металла в условиях резкого увеличения его количества (революция цен), финансировалась раннеевропейская торговля с Востоком, грабить который европейцы не могли и за товары которого, включая и рабов, они вынуждены были расплачиваться. И хотя доля португальцев в этом американском потоке была не слишком велика – основное досталось Испании, – она послужила первоначальной основой для финансирования колониальной торговли, в последующем успешно развивавшейся за счет товарооборота.

Век португальского господства в колониальной афро-азиатской торговле был сравнительно недолог: доля Португалии во все возрастающей в объемах и расширяющейся территориально торговой экспансии европейских колониалистов в Африке и особенно в Азии стремительно падала и после XVI в. стала вовсе незначительной. На первое место вышли голландцы. XVII век, особенно первая его половина, – век Нидерландов на Востоке. Со второй половины XVII в., после ряда успешных англо-голландских войн, рядом с Голландией, постепенно оттесняя ее, становится Англия.

Хотя голландцы были в первых рядах среди тех европейских держав, которые успешно шли по пути капиталистического развития, и хотя именно они в свое время активно участвовали в колонизации Северной Америки с ее пуританским духом активного предпринимательства (достаточно напомнить, что голландцами был основан в 1626 г. Новый Амстердам – будущий Нью-Йорк), в Африке и Азии они сменили португальцев либо оказались рядом с ними практически в той же функции колониальных торговцев. Да и методы их не слишком отличались от португальских – та же торговля африканскими и индонезийскими рабами, скупка пряностей, организация плантаций для их производства. Правда, голландцы способствовали обновлению колониализма, основав в 1602 г. объединенную Ост-Индскую компанию – мощную и находившуюся под политическим покровительством метрополии административно-экономическую суперорганизацию, целью которой была оптимизация условий для успешной эксплуатации всех голландских колоний на Востоке (в 1621 г. для голландских колоний на Западе, в основном в Америке, была создана Вест-Индская компания). Аналогичную организацию (Ост-Индская компания) создали и англичане, даже еще раньше, в 1600 г., но только во второй половине XVII в., после укрепления англичан в ряде важных пунктов на восточном и западном побережье Индии, эта компания обрела определенную экономическую устойчивость и, главное, некоторые административные права – свои вооруженные силы и возможность вести военные действия, даже чеканить монету. Впоследствии, как о том уже говорилось, английская Ост-Индская компания стала административным костяком английского

колониализма в Индии, причем с XVIII в. она все более тщательно контролировалась правительством и парламентом, а в 1858 г. и вовсе прекратила свое существование, официально замененная представителями Англии, начиная с вице-короля.

На примере голландской и английской Ост-Индских компаний можно видеть, что по меньшей мере в XVII в. это были торговые организации капиталистического характера с ограниченными административными правами. Практика показала, что такого рода прав было вполне достаточно, чтобы англичане в Индии, а голландцы в Индонезии чувствовали себя фактическими хозяевами. Меньше в этом плане преуспела Франция, вступившая на путь колониальной экспансии позже, в основном лишь в XVIII в. К тому же революция 1789 г. способствовала крушению того, что было достигнуто: из некоторых своих колониальных владений французы были вытеснены, прежде всего англичанами (в Индии, Америке). В целом XVII и XVIII века были периодом активного укрепления европейской колониальной торговли и получения за счет этой торговли немалых экономических выгод.

О каких выгодах идет речь в свете того, что уже говорилось об особенностях колониальной торговли с Востоком, выразившихся в перекачке драгоценного металла не с Востока в Европу, а в обратном направлении? Выгоды имеются в виду самые простые и прямые – от торгового оборота, с учетом всех издержек не только транзитного долгого морского пути, но и содержания администрации тех же могущественных компаний, которые организовывали торговлю и стабилизировали условия для нее, захватывая в свои руки новые земли, подкупая союзных правителей, ведя войны с враждебными и т. п. Если подсчитать издержки, они окажутся весьма солидными. Но и разница в ценах была огромной: пряности в Европе стоили в десятки раз дороже по сравнению с теми местами, где их производили и закупали. И все-таки если подводить баланс (а торговали в конечном счете отнюдь не только пряностями, их к тому же сами купцы строго лимитировали и в производстве, и в торговле, дабы не сбить цену), то окажется, что из Индии шли шерстяные и бумажные ткани высокого качества, кашмирские шали, индиго, сахар, даже опиум. Из Африки – рабы. А что же шло взамен? Оружие и в гораздо меньшей степени некоторые другие товары, практически не имевшие спроса в развитых (и тем более в неразвитых) странах Востока. Содержание же компаний и все прочие издержки, выплаты, подкупы и т. п. в немалой степени покрывались драгоценным металлом: по некоторым подсчетам, в начале XVIII в. доля товаров в торговле с Востоком (английский экспорт к востоку от мыса Доброй Надежды) была равна одной пятой, остальные четыре пятых приходилось на металл.

Это не значит, что компании и колониальная торговля работали в убыток, – они свое возвращали с лихвой, ибо их торговля была наивыгоднейшим делом. Но все-таки это была именно торговля, а не ограбление наподобие того, что делали испано-португальские конкистадоры в Америке. И хотя колониальная торговля сопровождалась жестокостями и издевательствами над людьми (работоторговля), главное все же было не в этом. К жестокостям и работоторговле Восток привык издавна. Европейские же торговцы принципиально отличались от местных восточных купцов тем, что они при активной поддержке метрополии стремились административно сорганизоваться и укрепиться, постоянно расширяя зону своего влияния и свободу действий. Собственно, именно этого рода динамика и служила важной основой для постепенной трансформации колониальной торговли в колониальную экспансию политико-экономического характера, что ощущалось кое-где (особенно в Индии) уже в XVIII в. и с особой силой стало проявляться на Востоке в XIX в.

Итак, на традиционном Востоке, включая и Африку, колониализм начался с колониальной торговли, причем этот период торговой экспансии, сопровождавшийся лишь в заключительной своей части захватом территорий в ряде районов, длился достаточно долго. За эти века, XVI–XVIII, многое переменилось. Изменилась прежде всего сама Европа. Колониальный разбой (имеется в виду Америка) заметно обогатил ее, заложив основу первоначального накопления капитала. Капитал был пущен в оборот в широких масштабах транзитной колониальной торговли, содействовавшей становлению мирового рынка и втягиванию в этот рынок всех стран. Доход от оборота и создание рынка сыграли свою роль в ускорении темпов

капиталистического развития Европы, а это развитие, прежде и активнее всего в Англии, в свою очередь настоятельно требовало еще большей емкости рынка и увеличения товарооборота, в том числе колониальной торговли. Для обеспечения оптимальных условий торговли англичане раньше других и успешней соперников-голландцев стали укрепляться на Востоке (прежде всего в Индии), добываясь там своего политического господства уже в XVIII в. и тем более в XIX в. Взаимосвязь между капитализмом и колониализмом очевидна. Но была ли такого же типа связь характерна для объектов колониальной экспансии, для стран Востока? Хотя бы для некоторых? Вопрос вплотную сталкивает с проблемой генезиса капитализма на Востоке. Еще сравнительно недавно немалое количество марксистов настаивало на том, что в описываемое время, т. е. в XVI–XVIII вв., Восток стоял накануне процесса такого рода генезиса, а то и был уже в ходе этого процесса, что он лишь ненамного отставал в этом от Европы. Да и сегодня подобные взгляды не исчезли вовсе, хотя и заметно поубавились. И, казалось бы, есть основания для них – ведь возник же капитализм в Японии! Стало быть, в принципе подобное могло произойти на Востоке, и вопрос лишь в том, чтобы попытаться понять, почему в других странах этого не произошло, что именно помешало этому. К более основательному анализу всей проблематики, связанной с генезисом капитализма на Востоке, мы вернемся позже. Пока обратим внимание на то; о чем уже не раз упоминалось в этой главе. Восток в лице развитых цивилизованных обществ и государств Азии (об Африке речи пока нет) был в XVI–XVIII вв. не беднее Европы. Более того, он был богаче. На Восток шли вывезенные из ограбленной Америки драгоценные металлы. На Востоке веками копились и хранились те самые ценности и раритеты, которые притягивали к себе жадные глаза колонизаторов. Была на Востоке и своя богатая традиция торговли, включая и транзитную, которая, кстати, держала в своих руках всю восточную торговлю Европы вплоть до эпохи колониализма и немало на этом наживалась. Восток, по данным многих исследований, мог дать большую массу пищи, чем скудные почвы Европы, а население Востока жило в массе своей едва ли хуже, чем европейское. Словом, по данным специалистов, до XV–XVI вв. Восток был и богаче, и лучше обустроен, не говоря уже о высоком уровне его культуры.

Но если все это было именно так, да к тому же Восток будто бы стоял накануне либо уже был в процессе генезиса капитализма, то почему же не на Востоке активно развивался капитализм? И если уж этот самый восточный капитализм по каким-то причинам не поспевал достаточно быстро, по-европейски, развиваться, то почему этому не помог колониализм – та самая колониальная торговля, которая связала Европу и остальной мир, включая и весь Восток, воедино? Конечно, торговля была в руках европейцев и потому приносила доход с оборота именно им. Но, как только что говорилось, Восток был богаче и в ходе торговли тоже не беднел, ибо делился излишками за деньги. И, кроме того, колониальная торговля важна не только и, быть может, даже не столько доходами, сколько самим фактом всемирных связей, возможностью заимствования и ускорения развития за этот счет. Почему этой возможностью сумела воспользоваться – да еще в какой мере! – лишь Япония, тогда как остальные этим воспользоваться не смогли? Или не захотели? Или даже не заметили ее, эту возможность, не обратили на нее внимания? Почему?

Ответ на этот вопрос очевиден в свете изложенной в работе концепции: о капитализме как принципиально ином строе, отвергающем традиционное господство государства и выдвигающем в качестве альтернативы частную собственность и свободный рынок, на традиционном Востоке не могло быть и речи. Для этого не было условий. И только в уникальных обстоятельствах Японии такого рода условия появились, да и то далеко не сразу. Стоит напомнить, что, несмотря на идеально подготовленную для этого японским феодализмом и конфуцианской культурой почву, лишь два-три века хотя и скрытых, но весьма энергично осуществлявшихся связей с европейскими колонизаторами (голландцы и «голландская наука») способствовали тому, что японская почва стала прорастать капиталистическими всходами. Таким образом, связь колониализма и капитализма сыграла свою роль в случае с Японией. Но вот в остальных случаях эта связь применительно к обществам и государствам традиционного Востока не могла сработать так, как этого по логике рассуждений можно было бы ожидать.

Колониальная экспансия европейцев не расчищала автоматически или почти автоматически, при направленных действиях колонизаторов, путь к капитализму европейского типа, во всяком случае ожидаемыми темпами. Напротив, она породила столь яростное сопротивление традиционных структур Востока, столь мощную ответную волну, что даже в наши дни, в конце II тысячелетия, трудно дать обоснованный прогноз, как и когда достигнет еврокапиталистических стандартов развивающийся Восток – если это вообще достижимо.

Мощная ответная волна сопротивления колониальному вторжению и ломке привычных норм жизни стран и народов Востока появилась не сразу. В XVI–XVIII вв., в начальные периоды колониализма, пока Восток еще не ощутил как следует тяжелую руку европейского капитала, ее, казалось бы, ничто не предвещало. Все началось позже, в XIX в., и с особой силой проявилось в XX в. Вот о том, как и в какой форме зрел внутренний протест традиционных восточных структур против бесцеремонного вторжения колонизаторов с чуждыми Востоку мерками, нормами и принципами жизни, в каких формах выражался этот протест и чем эти формы были обусловлены, и пойдет речь в третьей части работы.

Для удобства изложения и последующего анализа главы этой части разбиваются на несколько блоков: Южная и Юго-Восточная Азия; Ближний и Средний Восток; Дальний Восток; Африка. В рамках каждого из блоков сначала дается историческая канва, затем – аналитический очерк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Социальная история стран Зарубежной Азии / Под ред. Е. А. Косминского и А. Д. Удальцова. М., 1927, т. 1—11.

Пособия

2. Васильев Л. С. История Востока: В 2 т. М., 1994.
3. Всемирная история. М.; т. IV, 1958, т. V, 1959
7. Всеобщая история искусств. М., 1960, т. III.
4. История дипломатии. М., 1959, т. 2-3.
5. Колесницкий Н. Ф. Феодальное государство. М., 1967.
6. Советская историческая энциклопедия. В 12 (16) т. Т. 1-16. - М.: Советская энциклопедия, 1963 - 1976.
7. Новая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.
8. Новейшая история стран Азии и Африки: В 3 ч. М., 2004.